

Дина Шехур

Sophie

12+

Дина Шехур

Sophie

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64207611

SelfPub; 2021

Аннотация

Молодая девушка из благородного семейства и ее приключения. Вольная фантазия автора на тему истории и мистики. Отдаю на суд читателя.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

20

Дина Шехур

Sophie

– Sophie, Sophie, maman t'a demandé de venir la voir.¹

Я подняла глаза глянув на егозу Марию, Машеньку, как мы ее именовали между собой, положила книгу на подлокотник кресла, встала и поправила замявшуюся юбку. Мое утреннее платье было нежно бежевого цвета, с высокой талией, свободным, легким. Но была одна особенность: при сидении (особенно, как я любила читая книгу) подворачивался подол и ткань сильно сминалась. Маман, очень внимательная к моему внешнему виду и пеняющая мне на мою рассеянность, вполне могла бы меня строго отчитать за эту оплошность. Стараясь держать спину прямо, не спешить, не семенить ногами я прошла к маман в спальню.

Она сидела у окна в своем любимом враппере. Отороченном ярко-рыжим стеганным материалом по рукавам и подолу, и с рисунком в нежно-рыжий цветок, серые переплетающиеся ветви на которых видны то тут то там маленькие зарянки, на остальной материи. С белой шнуровкой на груди. Вот именно на эту шнуровку я, по привычке, уставилась одновременно делая почтительный реверанс и произнося (конечно же на французском):

---

¹ Софи, Софи, мама просила тебя к ней подойти. (фр.) Далее текст дается на русском для удобства читателя.

– Доброе утро, мама. Как вам спалось?

– Софи, – если моя мама выдала с утра именно эту производную моего имени, значит можно расслабиться. Подумала я в тот момент. Зря, конечно. Если б я знала, бежала бы, безобразно подняв сминаящийся подол и вульгарно обнажив свои тонкие худые ноги.

Но, увы, в тот момент я расслабилась. И даже улыбнулась.

– Одевай, этот невообразимый кошмар, который тут, уже даже приличные дамы, называют – платьем, – продолжала моя мама, явно намекая на мое любимое, жутко модное платье и продолжила указание, – сейчас мы с тобой поедem в одно место, веди себя прилично, язык держи за зубами и если зададут вопрос, отвечай тихо и кратко.

И, как обычно, отвернулась к окну, давая понять, что аудиенция окончена.

Я выдала легкий реверанс ее затылку, верней даже высокой спинке кресла, и тихо вышла из спальни. Стараясь не семенить ногами, не ступать на пятки, держать легкость в походке, я направилась в свою комнату.

Этот дом был значительно меньше, чем наш в России: и фамильный в Петербурге, и старинный в Москве, не говоря уж про огромное имение под Калугой. У папа еще было три имения, но я в них не бывала ни разу. Когда папа был еще жив, и во времена нашей жизни в России, ему приходили письма из имений от управляющих. И они с мамой закрывались в папином кабинете и, как говорила маман: под-

бивали доходы. В это время полагалось вести себя тише воды, ниже травы. Даже, когда появилась маленькая Машенька, ее нянюшка уносила подальше, а летом, так вообще уводила гулять в парк.

Уезжали из России мы в спешке. Папа говорил, что это не надолго и «все еще вернется на свои круги». Маман строго поджимала губы и качала головой, как бы не соглашаясь, но в слух своих соображений она не высказывала. Во всяком случае при нас. Нянюшка с Машенькой до сих пор считают (прожив в Париже уже почти два года), что еще немножко и мы вернемся домой. Моя гувернантка, мадмуазель Ирен, сбежала от нас едва услышала, в прошлом году, что в России революция. Маман, поджимая губы, сказала: «свободу почувля». Папа уже тогда был плох, его замучила чахотка. Весть он принял стоически, но через две недели скончался. Маман была вся черна и не от одежды, а от горя. Именно тогда я вдруг увидела, как она его любила. Я уже в то время, семнадцатилетняя, казалось бы взрослая барышня, вдруг поняла, что она и любила-то только папеньку. Нас она так не любила. Сначала я вдруг ощутила жуткую обиду, ведь я всю свою жизнь, смотрела в ее глаза, слушала ее упреки, выполняла все ее прихоти, только бы получить хоть каплю материнской ласки и любви. Но увы. Ее любви хватало только на одного. Когда Машенька была маленькой, маман иногда ей читала вслух. Машуля, обыкновенно, сидела на полу и распахнув свои голубые глазенки, затаив дыхание слушала. И я четко

видела, что даже ей, малышке, так не хватает материнской любви и ласки. Потом я махнула рукой и стоически приняла ее упреки. Только папа любил нас и баловал.

***

Когда жили в России устраивал нам детские потешные праздники, задаривал подарками на именины и Новый год. Ах, какую он нам выправлял елку. Из леса, самую пушистую, самую высокую, до потолка. Ставили ее в зеркальную залу, украшали бархатными бантами, бумажными хлопушками, золотой звездой ивифлиемской. А какие были ватные барашки – прелесть. Золотом покрытыми рожками, палочками ножками и пастушок бумажный с веточкой – посохом. А мое первое бальное платье. Оно было божественно. Именно божественно – в стиле греческих богинь, с высокой талией, как и следовало в моем молодом возрасте (ужас, прошло уже почти больше трех лет), мне было практически пятнадцать. Платье было длинным, цвета слоновой кости, с золотой вышивкой по подолу, вороту и линии талии. На плечах скреплялись тонкой тесьмой и руки были (о ужас) голыми, на плечи накидывался в тон платью газовый шарф. Туфельки были необыкновенно узенькими, легонькими. Я протанцевала в них почти весь праздник. Мои милые тетушки – Елизавета Николаевна и Анна Сергеевна, все подшучивали надо мной на балу, но постоянно следили, чтобы меня приглашали на танец и я не сидела безучастно. Маман, по своему обыкновению была с Марией Федоровной. Та все время посматрива-

ла на меня и улыбалась мне подбадривая. Маман тоже улыбалась, но взгляд ее был безучастен. Мы уехали, как подобало нашему положению – уже за полночь. У меня от танцев кружилась голова, все тело горело от не отпускающего ощущения объятий. Сквозь ткань я чутко чувствовала каждое прикосновение чужих рук. От воспоминаний я вспыхивала маковым цветом. Папа смотрел на меня любящим взглядом и все выпытывал (в его любимой манере): «ах, мон шер, вы наплясались? Отвели свою волнующуюся душу?». И я, захлебываясь, спеша поделиться и даже перебивая саму себя, пыталась ему поведать о танцах, о своих чувствах, о впечатлениях, о молодых мужчинах, оказавших мне честь пригласив меня, о великолепии залы, о расписных потолках и золоченых зеркалах, о красоте ее высочества (безумно меня впечатлившая и весело отплясывавшая рядом со мной), о жутко смешной (но, о ужас, пошлой шутке) услышанной от группки кавалеров облаченных в военные мундиры. Папа весело смеялся над моими потугами рассказать все и сразу. Как он был хорош. В своем расшитом камзоле с золотом вышитыми погонями с вензелем и короной, с крученым аксельбантом который пристегивался под правым погоном специальным хлястиком из красного приборного сукна на пуговицу, находящуюся под нижним краем погона. Передний (более короткий) плетеный конец аксельбанта прикреплялся серебряной ниткой к третьей пуговице кителя, а задний плетеный конец – на вторую пуговицу кителя. В петлю на аксельбанте

продевалась рука. Истинный князь.

***

От воспоминаний слезы навернулись на глаза. Я украдкой смахнула их. Одевалась я сама. Маман, после исчезновения моей гувернантки, пыталась найти ей достойную замену, ну или хотя бы молодую горничную, но увы в Париже с этим были проблемы. В Париже вообще кругом были проблемы. Первый год папа очень переживал, что перевез нас, как он называл: «из огня да в полымя». Но, мы обосновались почти на окраине и доносившиеся до нас ужасные звуки военных действий были редки. А почти через год, когда папа слег, и вообще прекратились.

Выезжали мы редко, на моей памяти один раз посетили дом таких же как мы сбежавших из России – мамину знакомую. Но уже через неделю узнали, что они съехали в Америку. Папа тоже пробивал этот вопрос, но, увы, не успел. А маман говорила, что будет жить в той стране, где похоронен муж. Еще мы, всего два раза, выезжали в магазин-ателье. Остальное необходимое доставали, с огромным трудом, рядом с домом.

Маман ждала меня у входной двери, от нетерпения помавивая перчатками зажатými в руке. Я уже было открыла рот извиниться за задержку (в самый неудобный момент лента завязок – шнурок моих новомодных ботинок порвалась, а я металась искала, целых пятнадцать минут, новые шнурки). Но маман только хмуро глянула на меня и махнув рукой по-

спешила на выход. Я понуро двинулась за ней.

Возле входа, у ворот нас ждал подрагивающий (видимо от нетерпения) автомобиль.

Шофер открыл дверцу и маман, приподняв подол своего черного – траурного платья, грациозно села на заднее сиденье. Я (помня мамину головной убор) дождалась, когда шофер мне откроет и придержит дверь. И стараясь подражать маман, приподняла юбку и выпрямив спину попыталась аккуратно сесть на сиденье рядом с ней. Сказать, что у меня так же элегантно не получилось, это не сказать ничего. Я с грациозностью бегемота ввалилась в салон автомобиля и рухнула на сиденье. Маман прикрыла глаза и издала осуждающий вздох. Лучше бы отругала. Этот вздох не сулил ни чего хорошего.

Ехали мы молча. Я вся извелась понимая, как мне достанется. А потом загляделась в окно и успокоилась. Еще через полчаса меня стало укачивать и я задремала. Сколько мы ехали я не знаю. Проснувшись от толчка в бок и от неожиданности подпрыгнула и больно стукнулась о раму двери. Машина остановилась и шофер выбежал открыть дверь маман, а потом и мне. Выйти у меня получилось гораздо аккуратней.

Дорожка под ногами приятно шуршала. Мы шли по ней от самых ворот. Дом был высок, с башенками, выглядел волшебным замком принцессы. Я разглядывала его и чувствовала, как ухает сердце в груди. Мы поднялись по высокой, каменной лестнице и маман, одернув платье, постучала боль-

шим железным кольцом по массивной дубовой двери.

Дверь тихо открылась и высокий пожилой мужчина в темном сюртуке открыл нам.

– Княгиня Кашина, – гордо представилась моя мать. – с дочерью.

Мужчина кивнул, пропустил нас вперед. Проводил в большую светлую комнату. Указав на кресла, все так же тихо вышел.

Я послушно сидела в кресле и разглядывала комнату. Она впечатляла. Полы инкрустированы цветными плашками из которых складывался затейливый узор. На стенах новомодный рисунок: пионы и золотые вензеля. Картины в золоченых рамах. Большой камин, отделанный светлым мрамором, и овальный стол выдавал в этой комнате гостиную. Над столом поражающая воображение газовая люстра. Сверкающая и искрящаяся. Она просто заорожила меня. Мне чудилось, что ее искристость мне что-то напоминает. И казалось, что вот-вот и я пойму, на что же она походит. Но тут раскрылась дверь в комнату и вошла высокая, тонкая, хрупкая женщина. Пока она проходила в дверях – в темноте, мне показалось, что она молода. Но когда она подошла к полосе света я увидела, что все ее лицо испещрено морщинами. Она оказалась очень старой. И страшной. Ее лицо, мне показалось, хищно вытянулось. Но через секунду, она уже обаятельно улыбалась и приветствовала мою привставшую с кресла мать. Я тоже привстала, как велели правила этикета, приветствуя

женщину гораздо старше себя. По движению своей матери, по тому на сколько она приподнялась, я поняла, что пожилая женщина положением ниже нашего. Старуха села на диван напротив матери и они завели ни к чему не обязывающий разговор: о погоде, о сложности найти хорошую прислугу, о трудности приобрести достойное платье и о, да, об этой ужасной современной моде.

Все было расписано, как по нотам. Как только было произнесено последнее слово дверь снова отворилась и в комнату вошел все тот же мужчина толкая перед собой столик. Он был сервирован на троих. Чай мы пили с великолепными круассанами. Я накинулась, как голодная. Но поймав взгляд матери, поняла, что делаю все не так. Оглядела себя – сижу вся в крошках. Ужас. Я нервно сглотнула, положила на край блюда недоеденный кусок и взяла чашку в руку. Думая только о том, какую головнойку маман мне сегодня устроит. И пропустила вопрос пожилой дамы обращенный ко мне. Маман закатила глаза. Все. Неделя бойкота мне обеспечена.

– Милочка, вы задумались? Вы вслух на французском читать умеете? – снова повторила свой вопрос старуха.

Я, мелко дрожащими руками поставила чашку обратно на блюдо, вздохнула поглубже и тихим голосом ответила:

– Да, мадам, я хорошо читаю вслух по-французски, – и бросив быстрый взгляд на мать опустила глаза.

– А пасьянсы раскладывать умеете? – последовал вопрос.

Я покраснела и стараясь, чтоб маман не слышала:

– Только косынку и паука.

– Вот и прекрасно, – кивнула головой пожилая женщина, – она мне подходит.

Сказала она уже моей матери. Та только кивнула.

Они с маман допили чай и хозяйка встала нас провожать.

Мы дошли до двери и я собралась было пойти с матерью, как та повернулась ко мне и останавливая меня сказала:

– Софи, веди себя прилично, будь послушной и не забывай, чему я тебя всегда учила. Прощай.

И уже обращаясь к хозяйке дома:

– Анна Леопольдовна, ее вещи я вышлю завтра.

Развернулась и вышла оставив меня стоять в недоумении.

Я стояла у двери слушая, как отъезжает машина и не верила всему происходящему.

Старуха взяла меня под локоток и говоря, что-то утешающее повела меня.

Я плакала в подушку, которая оказалась прямо подо мной. Когда меня привели в комнату. Видела только кровать и эту подушку. Сколько я так проревела, не знаю. После уснула. Когда проснулась в комнате было уже темно. В животе происходило что то невообразимое – казалось, что желудок уже переваривает сам себя. Я встала с кровати и пошла искать, что то наподобие кухни. Наверняка там осталось что-нибудь съестное. Хотя бы корочка хлеба. Мысль про корочку тут же вызвала в животе хор всех моих внутренностей. И я тихонечко, стараясь не шуметь пошла искать еду.

Пока я медленно шла по коридору, спускалась по лестнице вспоминала, что даже в самые тяжелые годы я такой голодной не была. Видимо меня вела сама судьба (а скорей всего мой голодный желудок) кухню я нашла сразу же свернув на лево от лестницы. Когда глаза привыкли к темноте помещение оказалось большим, просторным. Медленно прошла вперед, ощупывая воздух перед собой руками. Вот стол, большой, руками потрогала его. Деревянный. Шершавый. С рубцами. Видимо на нем и готовят еду для всех домашних. Медленно продвигаюсь к темному углу. Мой желудок усиленно тянет меня туда. Уже почти дошла, как вдруг, резко загорелся свет. Я инстинктивно прикрыла глаза, еще и ладошками накрыла для верности.

– Голодная? – раздался участливый голос рядом, – сейчас я достану что от ужина осталось, то что холодным есть можно. Разогреть сейчас не буду. Немного перекусишь, до утра хватит.

Я опасливо приоткрыла ладони и прищурившись посмотрела на них. Уже свет глаза не режет и смело открыла их.

Первое что я увидела, это огромны черный кот сидящий на ящиках напротив меня. Большие желтые глаза внимательно смотрели на меня.

– Здравствуйте, – совершенно неосознанно я поздоровалась с ним.

– Еще раз, здравствуй, – в голосе рядом со мной звучало недоумение.

И я с запозданием повернулась к говорившему человеку. Голос был мне знаком. И человек тоже. Тот самый пожилой мужчина. Который открывал нам с маман дверь. Только в темно-синем халате, из-за чего казался ниже ростом и не таким важным. Воспоминания о маман снова всколыхнули во мне чувство обиды и жалости к себе. Глаза наполнились слезами.

Увидев это мой ночной спаситель быстро заговорил:

– Садись я тебя сейчас покормлю, – отодвигая от стола грубый деревянный табурет он почти насильно усадил меня на него.

Потом передо мной возникла большая кружка с молоком и я жадно кинулась пить. Спустя пару глотков на столе возник ломтик белого хлеба с куском ветчины и сыром. Я с удовольствием ела запивая молоком. Было очень вкусно. Табурет рядом отодвинулся и дворецкий сел на него. Я повернулась пытаясь быстро прожевать. Ведь разговаривать с набитым ртом не вежливо.

– Ты кушай, кушай, – его глаза с теплотой смотрели на меня, – я дворецкий, зовут меня Эванс. Служу хозяйке уже больше полувека. Она добрая женщина. Может показаться странной, но она очень добра.

Я уже прожевала кусок и правила этикета (вбитые в меня матерью) обязывали ответить:

– А я София, – сказала то что первым пришло мне в голову, – я не знаю кто я и что я тут делаю. Я вообще не понимаю

почему маман так со мной поступила. Зачем и почему?

Он опустил глаза и пожал плечами. С минуту мы молчали. Я продолжала есть. Хотя мне было уже не так вкусно.

– Я не знаю, что с тобой произошло, – не поднимая головы говорил Эванс, – не осуждай свою мать. Мы же не знаем, что сподвигло ее так поступить. Возможно со временем ты узнаешь и поймешь ее. Поэтому, я, как человек многое повидавший на своем веку, как человек более опытный и умудренный, позволю дать тебе совет: не осуждай свою мать, прими этот поворот судьбы, как необходимость. Твоя жизнь круто развернулась для тебя и проживи ее достойно.

Я кивнула, пытаясь сказать слова благодарности, но вышло что то похожее на неприличное бульканье. Я допивала молоко.

– Ну вот, надеюсь ты утолила голод. Думаю до утра хватит, а пока идем провожу тебя в твою комнату. Постарайся выспаться.

Мы шли по лестнице, коридору. Эванс ориентировался в темноте уверенно. По нему сразу было видно, что тут он – у себя дома.

Он толкнул дверь, вошел приглашая меня за собой:

– Вот тут включается свет, – он дернул за веревку и загорелась люстра на потолке.

Я посмотрела вокруг. Модные обои в нежно-розовый цветочек, розового дерева кушетка у стены, в том же стиле пара стульев вокруг небольшого столика. На другой стороне сте-

ны великолепный туалетный столик. Маман была бы в восторге от него. С большим зеркалом. Что было вообще чудом. И кровать, стоявшая рядом у входа. Именно на ней я и проревела. На это указывали характерные примятости и валяющаяся подушка. Именно ей досталось больше всего.

Я прошлась немного по комнате. Обратила внимание на мягкий ковер под ногами.

– Ну ты отдыхай пока, завтрак ровно в девять, – сказал дворецкий и вышел аккуратно прикрыв за собой дверь.

Отдыхать. Хорошо сказать. Как тут отдохнешь. А до девяти надо как то время протянуть. Я думала, что не засну, просто прилягу и буду лежать, ждать. Но только коснулась головой подушки, как моментально уснула.

Разбудил меня стук в дверь.

– София, просыпайтесь, – раздался голос дворецкого за дверью, – выходите, я вас провожу, покажу ванную комнату, чтобы вы привели себя в порядок.

Я соскочила с кровати и открыла дверь.

– Пойдемте, за мной, – тут же пошел по коридору.

Я за ним. Маман была бы недовольна, что так быстро можно перемещаться по дому. Воспоминания о матери снова нахлынули.

Мы дошли до следующей двери.

– Вот, проходите, – сказал он открывая передо мной дверь, – умывайтесь, приводите себя в порядок, а я пока ва-

ши вещи занесу в вашу комнату.

Развернулся и пошел обратно.

Я зашла внутрь, огляделась, посередине помещения стояла большая ванная на ножках. Я подошла к ней. Очень похожа на маленькую ванночку, которая была у Машеньки. Когда она была совсем малышкой, нянюшка с кормилицей купали ее в ней. И мне разрешали помогать: то полотенце поддержать, то мыло из мыльницы подать, то отвар ромашки подлить в воду. Мне нравилось, как маленькая Машуля лежала в ванночке, нянюшка поддерживала ее под голову, а она сучила ручками и ножками. Было видно, что ребенку очень нравится.

Снова воспоминания нахлынули и я разревелась. Ну почему она так со мной поступила? Что меня ждет? Зачем я здесь? Увижусь ли я с ними еще?

Постепенно я успокоилась и вспомнила зачем меня сюда направили. Надо и правда приводить себя в порядок. В углу стоял умывальник, рядом столик с полотенцами. Я подошла, умылась, вытерлась. Осмотрела себя в висящее над умывальником зеркале.

Красные заплаканные глаза, серые круги под глазами, впалые щеки, тонкий нос, широкий рот с большими губами. Именно из-за них я больше всего плакала глядя на себя в зеркало. После одного случая, я поняла, что мои губы некрасивые и большие. Однажды, я пробежала мимо маминой спальни, дверь была приоткрыта и я ясно услышала, как маман го-

ворила обо мне: «Вот Софи, вроде бы симпатичная девушка растет, но ее эти ужасные, огромные губы – пельмени, все портят. Таковую разве выдашь выгодно замуж». Я секунду стояла опешив, а потом неслась в свою комнату. Там я долго плакала. И недоумевала, за что же она так жестока со мной.

Я еще раз умылась, прополоскала рот. Надо будет посмотреть передала ли маман мою зубную щетку и порошок. Я не люблю, когда коснешься кончиком языка зубов, а у них налет. По утрам я всегда тщательно чистила свои зубы. Ладно, потерплю.

В дверь стукнули и поторопили к завтраку.

Я вышла и пошла по коридору к лестнице. Спустилась. Стою в холле, прислушиваюсь. Куда мне идти? Ночью я, кажется, повернула налево и была на кухне. Вчера нас с маман проводили, кажется в ту дверь, за ней была небольшая гостиная. Я обратила внимание на двойные двери слева от меня. Надеюсь там столовая. Я несмело подошла к ней и хотела открыть двери, как они распахнулись сами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.